

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

БУРСИТЕТ

приключения удалых пэтэушников,
а также их наставников, кого бы
учить да учить, но некому

Анатолий Шерстобитов
Бурситет. Приключения
удалых пэтэушников, а также
их наставников, кого бы
учить да учить, но некому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969361
ISBN 9785448374975

Аннотация

Сюжетные аналогии романа можно провести с повестью «Республикой ШКИД», «Педагогической поэмой» Макаренко, «Очерками бурсы» Помяловского, только озоруют тут современные курсанты ПТУ и приставленные к ним учителя разных мастей. Остросюжетное повествование покажет нам непростую жизнь молодого военрука, вчерашнего инженера Виктора Истомина, ряда его коллег и нескольких ребят из семей самых пестрых. В довесок к дикому темпу работы в училище у Виктора любовные проблемы с красавицей-женой...

Содержание

Становление	5
Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Бурситет

**Приключения удалых
пэтэушников, а также
их наставников, кого бы
учить да учить, но некому
Анатолий Шерстобитов**

© Анатолий Шерстобитов, 2017

ISBN 978-5-4483-7497-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Становление

Часть первая

Глава 1

– Мама! Куда я попал!.. – Ожесточение – Позорный срыв – Муки совести – Угроза от неизвестных —

Ноябрьским, уже по-зимнему морозным деньком по неухоженной, давным-давно асфальтированной дороге мчался мотоциклист. Смотрел вперед он то левым, то правым глазом, так как не успевал смаргивать обильную от ветра слезу, бормотал при этом изошренные проклятия себе, недоумку, кто сел в такую пору за руль этого старого, ободранного «восходишки». Он сильно замерз, этот гонщик, и потому очень старательно вжимал поднятые ступни и левую руку в ребрышки охлаждения движка, ложился грудью на бак, хоть чуток умаляя стылость ветра, что было сил напрягался, задерживая дыхание, но озноба прогнать не мог. То и дело отжимая сопли, он пропускал выбоины, только и успевая немного привставать, гася удары. Проклятия тогда звучали еще изошреннее и громче.

С вершины одного из подъемов открылся взгляду небольшой поселок.

«ГПТУ-23 пос. ДУБКИ», вещал дорожный указатель. Бу-

ковки «пос» можно было легко принять за жирное тире.

– Какие откровения, – процедил мотоциклист, – все, что ли, одубевшие, или через одного?.. А я к вам, в вашу рощу.

В вестибюле крупная, полноватая бабуса, по всему, гардеробщица, не прерывая спорого вязания шали, заинтересованно глянула на гостя поверх очков. Тот переминался чуть растерянно, жадно напитываясь теплом, приглаживал включенные волосы и звучно шмыгал носом.

– С кем свидеться хотел, сынок?.. С директором? Так то на втором этаже, налево иди, там лестница. – Бабуса сидела как-то основательно и по-домашнему уютно, что не совсем вязалось с казенным помещением. – Замерз-то как, прочернел, – посетовала она и потянула из-под стула сумку, – иди-ка сюда, я тебе из термоса чайку плесну горяченького. – Но когда подняла голову, шаги гостя уже стихали в конце коридора. – Экий торопышный, – проворчала она, – оттаял бы хоть немножечко...

– И видел где-то, да не вспомню, – признался директор. Добрых полминуты после приветствия всматривался. Закусил вполонину никелированными зубами беломорину и подошел к окну. Невысокий, коренастый мужчина с основательной проседью в коротко стриженных русых волосах и многими морщинами на темноватом лице – Лыков Никодим Петрович. – Не вспомню, – улыбнулся он, прищутив

от дыма светлосерые глаза.

– Да в управлении сельского хозяйства, – подсказал гость, – я вам тогда трактор новый регистрировал, колесник, МТЗ-80... номер выдал.

– А-аа, – не совсем уверенно закивал директор, и гость заключил, что не вспомнил.

– Только потом я оттуда в совхоз перешел, на отделение механиком... – Гость поводил мутноватыми от щекотки в носу глазами, помял переносицу, гася чих, и добавил, чему-то враз ожесточаясь, – драпаю вот... работы у вас пришел искать, вы тогда, помнится, преподавателем сватали, – снова помял переносицу, но все же чихнул три раза кряду и сконфузился.

Лыков вызвал заместителя по учебно-производственной работе, мужчину пухлотелого и рыжего.

– Неудачно вы подошли, – задумчиво полистал тот записную книжку, – ведь уже третий месяц идут занятия. Нет, ничего не наберем, пожалуй, даже на полставочки ничего не наскрести. – На толстошеекое лицо набежала тень сожаления, глаза же остались равнодушными, сытые и сонные глаза. – Может, мастером на годок пойдете, а там видно будет?

– Нет-нет, только не мастером! Наслышан о прелестях этой профессии. – Гость часто поморгал, сморщился, потирая переносицу, зачем-то порылся в карманах и внимательно огляделся. – Ладно, пойду, на нет и суда нет, досвиданьичка, извиняйте за причиненное беспокойство.

– А звание, случайно, какое ни то воинское не имеешь? – поинтересовался уже в спину гостя директор.

– А как же, старший лейтенант запаса.

– Во, на ловца и зверь, понимаете, бежит. А наш военрук все себе замену сыскать не может. – Лыков умял в пепельницу окурок и потянул из пачки другую папиросу. Зам подвинулся к открытой форточке и оповестил, что получает военрук больше двухсот рублей. Гость понял, что пора излагать биографию.

Истомин Виктор Васильевич, двадцать девять лет, инженер-механик, женат, детей нет. Рост чуть выше среднего, худощав, в движениях несколько порывист, сероглазое лицо запоминается немного вздернутым носом да неуместным вихором там, где у нормальных людей начинается пробор, запоминается еще всегдашними смешливыми чертиками в глазах, ехидными зачастую, несвоевременными чертеньями.

– Значит военруком, – потер шею Виктор, – а что, и риску, все не мастером, при оружии, отстреливаться можно, если туго придется, – чихнул три раза кряду. – Во, правда!..

– Никак к нам на работу востришься? – окликнула в вестибюле бабуса. – Молоде-ец. На-ка, выпей чайку на дорожку. И кто в такое время на мотоцикле ездит! Уторкаешь, не приведи бог, здоровье, потом ведь его ни за какие брильянты не купишь. Оно ведь, здоровье-то, пудами вы-

ходит, да только грамммуляками заходит. Иээх-хэ-хэ, осопател-то как...

– Душистый какой! – изумился Виктор на чай.

– Медок, шалфейчик, малинка, – ласково улыбнулась бабуся. – Эх, молодо-зелено, откуда вам еще знать про здоровье, коль не хварывали.

Около недели Истомин принимал материальные ценности и оружие. Предшественник настоятельно советовал в корне пресекать происки шалопаев громовым командирским голосом и шомполом, иначе, «сядут на шею всенепременнейше». Необычность же расположения городского училища вне города, за четырнадцать километров от него, объяснялась просто – выработались угольные копи, и помещения, что им принадлежали, заняло училище. Официально оно было строительным, но помаленьку обращалось в школу механизаторов, так диктовал набор, спрос.

А вот и первая линейка. Взгляды почти трехсот пар пытливых глаз остановились на новеньком военруке.

– Молодэнький, худэнький...

– Из шустреньких никак...

– Не на таких катались...

– Зевластый, похоже...

– Ничего, быстрее охрипнет...

И тут же, утратив интерес, к директору:

– Картошка на завтрак сыровата.

– Почему депоненты задерживают?

Наконец, масса качнулась, гомоня и топоча, ученики определились по классам, и начались занятия.

Ох, и нелегко давались Виктору первые педагогические шаги. В каком-то полубредовом состоянии он отвечал на бесчисленные вопросы, парировал колкости, делал безуспешные попытки заговорить на учебную тему.

Очередной звонок на урок. В коридоре никого. Сбегал вниз, сверился с расписанием – все верно, группа быть должна. Лишь спустя семь минут объявился малочисленный авангард, дышащий холодом и густым табачным духом. Еще минут пять тянулись остальные. Всего человек двадцать. Истомин выразительно постучал пальцем по циферблату своих часов.

– Так, ребята, дальше не пойдет.

– Да брось ты, – улыбнулся ему в лицо кудрявый крепыш с масляно-черными навывкат глазами. Стоял он, подбоченясь, приоткинув назад голову и отставив вперед ногу.

– Чего-о?! – вытянулся лицом Виктор и, стиснув кулаки, начал подавать вперед корпус.

– Да брось, тебе говорят, – передернул плечами кудрявый и полуобернулся к стоящему сзади парнишке. Тот изумленно захлопал ресницами. – Слов, что ли, не понимаешь?.. Шшипает гад за попец, – пояснил он и вновь принял исход-

ное положение, — а дышит-то, дышит как. Я предлагаю, товарищ военрук, гнать с уроков НВП разных там гомосеков.

— Фамилия? — сипло спросил Виктор, стараясь испепелить взглядом кудрявого.

— Чья, его?

— Твоя.

— Вот она справедливость, страдай физически от извращенца, да еще и выговоры за это получай...

— Фамилия!

— Головин Александр Леопольдович.

— Нюра, — подсказал оклеветанный паренек. Кудрявый, не оборачиваясь, ткнул локтем. И очень удачно, потому как мальчишка согнулся и зашлепал губами — вдоха никак не получалось.

— Выйти из строя! — гаркнул Истомин. — Вот так, — смерил он взглядом шагнувшего вперед Головина. Тот еще более выпученными глазами смотрел прямо перед собой, пальцами растопыренных ладоней держался за ягодицы, подбородок задрал в потолок, грудь выгнул колесом, словом, строевую стойку опошлил дальше некуда. Неплохо разыграл и пародию на подбострастность перед большим начальником. — Вот так, — повторил Виктор и поморщился, отвернулся к остальным, прошелся вдоль строя. — Чтобы к следующему занятию все подстриглись, а то, действительно, так и до путаницы полов недалеко. Погладили брючки, попришивали на них все пуговицы, побрились... В общем, всем

быть подтянутыми и опрятными, ведь вы призывники, через год в армию. – Р-рравняйся! – снова как можно внушительнее подал он голос и свирепо вытаращился.

– А-аатставить! Голову направо! грудь четвертого... Р-рравняйся!

– Да будет вам, – поморщился правофланговый детина, – нашли салажат.

– Покойный майор Майский, в основном, налегал с нами на стрельбу, автоматик там пару раз разобрать, один собрать, – поддержал Головин.

– Насколько мне известно младший лейтенант Майский здоровствует.

– Маймай нас предал, теперь для нас он покойник.

– Разговорчики в строю! Несolidно так говорить о человеке, который годится вам в дедушки.

– Да он еще на первом курсе плешь прогрыз с этой строевой!

– Пошли в тир.

– Мы через месяц, вообще, уходим на последнюю практику.

– Ноженьки болять стоять так подолгу...

С трудом маскируя расстерянность, вымученно и многозначительно поулыбываясь, Виктор продолжил расхаживания перед строем. От бессилия хоть как-то перехватить инициативу мутило голову.

– Договоримся так, – поднял он руку, требуя тишины, –

не будет порядка, будем делать попытки его восстановить, даже ценой всего урока...

В этом месте его воспитательной речи Головин звучно, во всю пасть позевнул и пошел прочь.

– Я к Никотин Папиросычу подойду на переменке, – обернулся он на ходу, – сам, не ищите.

Да ведь это он о директоре так, сообразил Виктор и как можно доверительно обратился к оставшимся:

– Вы Саше-то ноне случаем мухоморов в рассольник не крошили?

– Может хватит все-таки в столбушки играть? – вновь угрюмо осведомился детина.

Метр девяносто с гаком, мысленно прикинул Виктор, вздохнул и сделал отмашку:

– Первая шеренга, справа по одному, захо-оди!

В дверях моментально образовалась давка, закричала, за-сопела, запричитала голосами слабых.

После уроков, а их было шесть, Истомин заперся в оружейке, ошеломленно тыкался в ее тесноте, пытаясь прийти в себя. «Мама, куда я попал, – бормотал он помешанно, – сроду так не уставал, аж коленки дребезжат, а башка-то как раскалывается. Так меня надолго не хватит. Ну и публика! Надо к ним как-то приспособливаться».

Немного успокоился и остановился перед мутным, затянутым решеткой и паутиной окном. Вяло поводя взгля-

дом, стал разглядывать с высоты второго этажа окрестности. Ограничивая видимость, моросил дождик. До горизонта простирались поля, размеченные строчками лесопосадок. Чернота зяби, бледная зелень озимки, блеклая желтизна нераспаханных клочков. Убогая картинка, ссылка да и только. Сыскал местечко, стиснул он зубы, махнул шило на мыло.

– Ии-ии-ихха! Иии-ии-иихха!.. – донесся с улицы леденящий душу вопль. Мальчишеская орда, что пряталась до этого от дождя под навесом клуба, выплеснулась навстречу подходящему автобусу. Тот постанывал стареньким кузовом, в осанке же его сквозила усталость и обреченность.

Едва распахнулась передняя дверь, как сразу начался штурм. Часть прибывших пассажиров, менее расторопных, слабых, упрессовалась назад в салон. Старушки молили бога о поддержке, дети плакали, водитель, дирижируя монтировкой, напоминал ученикам о правилах посадки. Автобус скрипуче кряхтел, качался на враз ослабевших мышцах рессор.

Благоразумно стоя в отдалении, дежурный мастер фиксировал в блокноте фамилии наиболее активных. Занятие больше символическое, чем воспитательное, дела не меняющее. Наконец водитель заметил, что створки задней двери давно разодраны без пневматики. Открытие его огорчило настолько, что, не закончив посадки, рискуя подавить штурмовиков, он резко тронул машину, круто развернулся и отбыл досрочно, с некоторым недогрузом. Оставшиеся возопили

обиженно, швырялись вслед комьями грязи. Их тоже можно было понять – мало удовольствия шлепать по такой погоде четыре километра до трассы, да там еще торчат неизвестно сколько в ожидании, пока кто-то сердобольный подберет до города.

– Тяжело, сынок, поперву, – понятливо покивала бабуса, когда Виктор выходил из училища. Не заметить его подавленность было бы трудно. Он усмехнулся, можно бы, мол, и похуже, да некуда. Еще тогда, в первый раз, он отметил ее сходство с клушкой, то ли ее основательной, по-домашнему уютной посадкой, то ли раскинутой длинной юбкой, смахивающей на опущенные крылья. Каково же было его удивление, когда он узнал, прозвище ее именно «Клуша», «Клуня Хохлатовна», по-настоящему же – Лукерья Игнатовна. Она и вахтер, и гардеробщик-сторож, и звонарь. Сидеть, не вставая, она могла днями напролет, что-то с ногами приключилось по старости. Только и добиралась от комнатухи в общежитии, где проживала, до стула в вестибюле, да и то со многими привалами.

– Ничего, – заключила она и улыбнулась одобряюще, – стерпит-сялюбится, помянешь мои слова, за благое дело берешься, душевное, богом привечен будешь.

Виктор удрученно крутил головой на ее слова, ой, не знаю, мол, ой, не знаю. И подумал еще, не сорваться как бы в горячке, а то ведь так и зудится кое-какому наглецу, типа Го-

ловина, в рожу заехать. И такое опасение было небеспочвенным, оказалось вещим.

Тот день ему вообще показался тогда бесконечным. После четвертого урока, помнится, даже мелькнула предательская мысль, соврать, сказать больным и отпроситься. Измочалился дальше некуда, ничего не мог поделывать со второкурсниками, не давал спуску, не уступал им, а они ему, так и оборачивался каждый урок нервотрепкой.

На пятый урок пришли первогодки-трактористы. Большая группа, еще не разбалованная, полным составом – тридцать три человека. Минут пять только рассаживались.

– Потихе, ребята, потихе! – то и дело покрикивал Виктор. – Мне же трудно рассказывать.

Но окрики помогали мало, и он стал прохаживаться по кабинету, многозначительно пощелкивая о ладонь шомполом, он же указка, вытащенным из учебного карабина.

Многие мальчишки успокоились, умолкли, взялись за ручки. Но далеко не все. И ведь тема-то интересная – «Современный бой», он столько фактического материала собрал, а вот поди ж ты вниманием ни в какую не овладеть. И что им, болванам, только интересно? Сидели они, конечно, значительно спокойнее предшественников, но у Виктора почему-то все больше и больше вскипало раздражение, от замечания к замечанию больше. Успокоит один очажок шума и возни, вспыхнет другой и так по замкнутому кругу,

до бесконечности, пытка, а не урок.

Все! как-то отстраненно подумал он, сейчас что-то случится, терпение вот-вот лопнет, сорвусь. Начал что-то говорить о достоинствах противотанковых управляемых снарядов, а сам уже зафиксировал парочку, что устроила перестрелку жеваной бумагой из трубочек.

– На перемене возьмешь веник, и чтобы ни одной бумажки в кабинете не было, – положил он руку на плечо пареньку со смешливыми кошачьими глазами. – С помощью друга, разумеется, тоже дуэлянта, во-он того кудрявого блондинчика.

– Здра-асте, а дежурные на что? – весьма искренне удивился стрелок.

– Как твоя фамилия, отрок? – совсем тихо и совсем ласково спросил Виктор и заиграл желваками.

– Ну, Минаев.

– Так ты слышал, Нуминаев, что я сказал? – шомпол стал чаще чем раньше постукивать о ладонь. – Дай-ка сюда трубку.

– Какую еще трубку? это же ручка, писать-то мне чем?

– Так ты понял насчет уборки?

– Мы что, одни плевали?

– Так ты понял или нет?!

– Да понял, понял, будет сделано... разбег и падение.

Едва же Истомин повернулся к нему спиной, как раздался общий смех. Резко обернулся, Минаев сидел потупясь, совсем фальшиво изображая равнодушие ко всем окружаю-

щим. Виктор снова отвернулся, снова смех. Прошел в конец кабинета. Тишина. Но не та тишина, что объясняется повышенным вниманием к уроку и которой он так безуспешно добивается, а тишина настороженная и напряженная. По лицам учеников это легко читалось, все они еле сдерживали улыбки.

Вот уж чего все они всегда ждали с искренним интересом так это развлечения, хохмочки, розыгрыша. И вот сейчас он, военрук, усилиями этого сопатого, им чем-то смешон, главный герой спектакля, всегда желанного и всегда с гарантированным успехом. Минаев как-то удачно сумел подать его так, что не осталось ни единого равнодушного.

Все, с какой-то даже веселой обреченностью отметил Виктор собственное состояние, завелся, начинаю идти вразнос, убежать бы надо, отступить, сорвусь ведь. В глазах потемнело, угарная волна бешенства вступила в голову, распространяясь откуда-то с области солнечного сплетения. И он не убежал, не отступил, принял навязанную дешевенькую игру.

Внешне спокойно и расслабленно, а внутри все поджалось во взрывной точечный сгусток, с рассеянным, казалось бы, даже сонным взглядом, а боковое зрение фиксировало все, даже полет одинокой, оклемавшейся в тепле мухи, он тихо шел вдоль столов. Стекла стендов на стене против окон отображали кабинет, силуэты мальчишек, их головы и плечи. Виктор поровнялся с Минаевым, шаг, еще шаг, еще, сам же,

не поворачивая головы, доотказа скосил глаза на стекла. Еще шаг. Вот оно! Минаев привстал и отмерил ему вслед полруки. Дружный смех. Виктор медленно, очень медленно повернулся и криво улыбнулся. В глазах потемнело настолько, что все окружающее померкло, стусеивались все детали, выделилось только светлое пятно ухмыляющегося лица.

— Надо понимать, дружок... ну-у, этим жестом ты выразил восхищение моему заданию? А ну-ка пшел отсюда, щенок засранный!

— Мне и здесь тепло... — начал было тот, но рывок за шиворот сдернул его на пол. — Ты чего-о?! — вскочил он, но тут же был повернут и получил серию из сильных тычков в спину, шею и залипающего щелчка шомполом по заднице. Прогнувшись в пояснице от этого ожога, он пошел в отрыв, так как военрук сближался и явно намеревался серию повторить.

Перед самыми дверями он все же был настигнут, снова получил толчок, настолько от души, что дверь отворил в полете. Доотказа распахнувшись, она ударила по стене, отчего упал и разбился стенд «Ордена и медали СССР», висевший рядом. На шум из других кабинетов выглянули преподаватели, поулыбались сочувственно и понимающе.

Виктор же не знал, куда приткнуть ходуном ходившие руки, лицо пылало, губы плясали так, что не мог внятно выговорить и слова. Оставив мысль рассказать еще что-нибудь о современном бое, он сел заполнить журнал. Бесполезно,

писать тоже не мог.

Класс притих, каждый из учеников украдкой настороженно поглядывал на него и он, чувствуя это внимание, терялся еще больше. Псих! шизик! придурок! мысленно костерил он себя, старался сосредоточиться именно на этом самоунижении, изощрялся в ругательствах. Да пусть они хоть на головах ходят, тебе-то что за переживания! Поморщился, так как в голову, в левую сторону черепа вошла тупая игла боли.

В дверь постучали и втерся Минаев, объяснил, что, мол, в коридоре одному непереносимо скучно. Разбитое стекло, разумеется, убирать не собирался – он-то здесь при чем. Класс снова оживился, повеселел.

– Уйди, – процедил Виктор, – уйди от греха.

Настроение у Минаева, судя по всему, после насилия ничуть не ухудшилось, кошачьи глаза лучились смешливым превосходством. Просьбу военрука пропустил меж ушей, не вышел.

Виктор вскочил и едва не бегом направился к нему. Ученик проявил завидную выдержку, выскочил не сразу, подождал, пока не осталось метра три, и захлопнул дверь перед самым его носом, даже немного подержал ее, убежав лишь тогда, когда не достало силенок удерживать.

Минут через пять раздался вежливый стук в дверь. Виктор похолодел – директор, выдаст сейчас витаминов за сорванный урок. Открыл дверь – никого. Спустя минуты три снова стук, и опять никого, даже шагов в коридоре не было

слышно. После третьего стука, недоуменно озирая коридор, он неожиданно все понял. Метрах в десяти от двери из стены выступала колонна. Сдерживая дыхание, на цыпочках, подкрался и резко скакнул вперед.

Так оно и есть, предельно вжавшись в стену, держа в руках снятые туфли, за колонной стоял Минаев и счастливо улыбался. Но какая святая наивность повторять одну и ту же шутку трижды! Улыбка еще не успела спорхнуть с его губ, как градом посыпались удары. Надо отдать парнишке должное – он даже не пикнул, а может онемел от испуга на перекосенное лицо военрука с бешеными глазами. Он даже не оборонялся поначалу, покорно принимая удары и удары довольно чувствительные.

Но наконец сработал инстинкт самосохранения, и, отбросив туфли, он выскочил из опасной зоны. А военрук уже совершенно утратил контроль над собой, метнулся следом, колотил спину, поддал в зад коленом так, что парень лишь чудом устоял на ступеньках лестницы... Опомнился лишь тогда, когда почувствовал, что кисти стиснуты чьей-то мертвой хваткой. Не сразу разглядел, узнал Таранова, смуглолицего крепыша-правофлангового.

– Ничего!..Ничего!.. – Виктор высвободился и прохрипел Минаеву вслед. – Щенок... козел! игратья он вздумал!.. – Обернулся и ужаснулся, вся группа в коридоре. Моментально набрякли нестерпимым жаром уши, захотелось согнуть, спрятаться, провалиться сквозь землю и больше никогда-ни-

когда в этих местах не появляться. Кое-как дождался спасительного звонка и сразу убежал в тир, благо шестого урока не было.

В тире Истомин помаленьку успокоился. Помогли тишина и уединение да холод, тир не отапливался, стены в один шлакоблок, даже щели толком не промазаны. Присел на корточки перед «Восходом», который, пользуясь случаем, определил сюда, хватит ему по чужим дворам обитать. Мустанг ты мой мустанг, погладил он сиденье, дружок верный. Знал бы ты, какую фирму я сыскал, не приведи боже, припадочным в два счета стать можно. Не-ет, так дальше не пойдет, не ту я песенку затянул, не свою. К чему эта борьба, даже война за идеальный порядок, настрополил меня Майский на мою же шею. Тактика у всех должна быть своя.

Он достал отвертку и стал очищать мотоцикл от давней засохшей грязи. Улыбнулся, глянув на подножку, выгнутую вверх, вполовину ободранную от резины. След одного из первых падений, тогда еще в управлении сельского хозяйства работал, инспектором технадзора. Подрабатывал разъездным фотографом, едучи на одну из свадеб и упал, попал на повороте под колесо кусочек жирной полевой грязи. Едва-едва не угодил тогда под колеса встречного автобуса, в полуметре друг от друга остановились, вставал так, опираясь на его бампер. Виктор поежился, припоминая детали.

Смятое же колено выхлопной трубы напомнило о другом

падении, тогда он уже механиком в совхозе работал, комбайны сопровождал в ночной переброске с поля на поле, ну и не заметил пенек. Полет шмеля, усмехнулся он, метров десять летел-кувыркался. А этот штырек отломленного фонарика поворотов памятка последнего кувырка – резко тормознул перед рытвиной и колодки заклинило, мотоцикл повело юзом, развернуло и ударило о придорожный столбик, сам он скатился кубарем по насыпи. Когда очнулся, обнаружил на голове расколотый шлем и, самое смешное, на брюках не достало одной штанины, видно, какой-то штырек, проходя у тела, удачно зацепился.

Да, шрамов на теле «мустанга» было предостаточно. Виктор снова обласкал его взглядом – работяжка ты мой родненький, за сезон, с той же фотосуемой, они с ним до пятнадцати тысяч километров накручивали. Честно говоря, от таких неумеренных гонок вскоре пришли оскомины, пресыщение такими прелестями как: частые переохлаждения, всегда грязная одежда, да и не все кувырки оказывались столь удачными, к примеру, до сих пор частенько давало о себе знать примятое колено. Ну а насморк, так этот не отпускал тогда ни на денек.

Провозясь с мотоциклом около часа, Виктор окончательно успокоился. Не покидали только стыд и острое чувство досады на себя столь несдержанного, заведшегося, по сути, из-за пустяка. Корень срыва, решил он, в изначально ложной тактике. Еще не зная ребят, он уже настроился по отно-

шению к ним чуть ли не враждебно, недоверчиво. Глупость, самая настоящая глупость! С мужиками в совхозе запросто ладил, а здесь, с мальчишками, буксанул. Ну не-ет, папаша Майский, оставь-ка эту агрессивную тактику себе, а я лучше останусь самим собой, да ведь «мустанг»? Ну зачем мне рядиться в чужие одежды. Пойду, повинюсь, да, мол, заскок произошел на почве переутомления, неужели начинающему такое непростительно?..

Но никто никуда его не вызвал. Событие, что глянулось ему вселенским, почему-то минуло внимание руководства, видно, других забот, посерьезнее, хватает. Да что руководство, те же преподаватели, которые тогда выглядывали, не придали этому случаю никакого значения, не поинтересовались, кого он так, за что? Ну вытолкал какого-то разгильдяя и вытолкал, из рядовых, видно, событие, пустяшное.

Только когда он поджидал автобус в вестибюле, Клуша вздохнула несколько раз, тщательно просматривая узоры шали на свет, и сказала, вроде как размышляя, для себя, ни к кому не обращаясь:

– У него, у Паньки-то, отец очень характерный, пьет в большой серьезности сердешный без роздыху... Только и поозорничать здесь мальчонке, отдохнуть от такой напасти родительской.

– У Минаева, что ли? – покосился Виктор.

— Ну да, у него... Скандальный папашка, злой. Сродственница ихняя здесь на Дубках живет, так рассказывает, измыватель, мол, драчун каких мало...

Виктор помрачнел и который раз в этот день ощутил, как набрякают жаром уши и щеки.

А на следующий день, открыв дверь оружейки, увидел под ногами листок, на котором было выклеено буквами из газет: «Круто гребешь, военрук. Смотри, как бы хин не треснул». И внизу, вместо подписи грибочки, не то сморчки, не то опята. Виктор поежился и поймал себя на мысли, что несколько струхнул. Но тут же зло махнул рукой, и заслужил, пес цепной, жандарм чванливый, так и надо, пусть приловят пацанчики да поддадут как следует. Заслужил придурок!

А беспокойство в душе угнездилось, добились своего авторы, мыслишка исподволь да неустанно давай подтачивать, что за грибочки? кто из пацанов может за этим скрываться? Задача, словом, получилась под грибным соусом.

Глава 2

**– Казнь спиртного на линейке –
Оживление «казненного» во smak
наставникам – Наставник
Хрюкин учит уму-разуму –
Явление Смычка – Шок
«расстрела» – «Пеницилин»
гроза задниц – Доклад Шпики —**

Утренняя линейка. Директор расхаживал перед четырехшереножным строем, сцепив за спиной пальцы, низко опустив голову, словно что-то сосредоточенно высматривал под ногами. Заканчивалась сверка. Гудит и колыхается разномастная поляна голов. Но вот и зычный рык военрука: «Становись!.. Равняйся! А-атставить! Р-рравняйся!.. А-а-атставить!..» – С попытки четвертой устанавливается относительная тишина и порядок, что позволяет сдать рапорт и слаженно поприветствовать директора. А вот и желанное «вольно».

– Итак... – кто-то вполголоса подсказал неизменное директорское начало. К голове суфлера потянулся мастер, бормоча укоризненно нравоучения.

– Итак, – директор медленно осмотрел строй. – Сынок, выйди, поговори, я мешать не стану, – обратился он наугад к какому-то ученику из наиболее беспокойного места строя.

– Да то не я, – занервничал мальчишка.

– Итак. Итак, в нашем училище снова чэпэ – пьянка. Виновников па-апрашу на обозрение... Анна Михаловна, – скрутил он еле заметно корпус, не отворачиваясь от строя. Из-за колонны безинерционно возникла Лепетова, зам по учебно-воспитательной работе, в руке новенькое оцинкованное ведро, из которого торчали горлышки бутылок с вином «Дары осени», да больших бутылок, семьсот-граммовой емкости.

– Чего это, а? Чего там?... – затыкали в бока друг другу ученики, вытягивая шеи, сонливость, так характерную для усвоения завтрака, с них заметно обдуло.

– Ита-ак! – окрепший голос директора воспарил над многоголосьем толпы. – Итак, мы пригласили сюда и родителей этих, с позволения сказать, детишек... Па-апрашу вас, товарищи мамы-папы, сюда, на середку... – Никодим Петрович сорвал с носа очки и принялся ими дирижировать для усиления убойности обличительной речи. – Итак, как вы думаете, приятно этой, э-ээ, маме чувствовать себя и свою чаду на всеобщем осуждении товарищами и педколлективом?..

Чувство осуждения производительно рожало у родителей ответные чувства. Вот один из пап, явный потомственный кузнец, продемонстрировал своему шкодливому отпрыску

кулак, каким в своей работе мог явно заменять кувалду, мама другого скорбно окунала платочек в залитые всклень глаза, родительница третьего, напротив, эмоций не обнаружила, но, косясь на педсостав, охорашивалась. Другого папу от кровинушки еле отодрали – надумал удушить на месте.

– Итак, мы сейчас во всей силе публичности, показательно уничтожим эту гадость, – объявил директор, – и сделаем это руками этих, с позволения сказать, деток. Па-апрашу на обозрение!.. – Лыков в стиле циркового конферанса широко повел рукой и шагнул в сторону.

Небогато было раскаяния на лицах провинившихся, все они перемаргивались с друзьями, еле сдерживали смешки – такое положение, слава, им скорее льстило, чем угнетало.

– Колоть будете? – со слезами в голосе спрашивали из строя.

– Лучше нам отдайте...

– Ой, Петенька! – совсем дурашливо взвизгнул кто-то. – Дай-ка закрою я тапочком твои неопохмеленные глазыньки, тебе такого не выдержать!

– Соплячье, заховаться не могли как следует...

Между тем одному из четверки уже вручили молоток, и он, как велено, хрупнул над ведром первую бутылку.

– А-ааа!.. – пронесся многоглоточный единый стон над рядами. Все, как один, заводили носами и закатали глаза. – А-аа! – уже потише, сладострастно. – А-ааа!.. – снова стон на стеклобой. – У-умм...

– Фарс, – морщился Истомин, – цирк, абсолютно бесполезное дело.

– Итак! Я тут, вроде как, слышу, с позволения сказать, дерзостные смешки, но им, – Лыков ткнул очками в сторону ребят, – им было не до смеху, когда я выложил ихние документы и предложил гулять на все четыре стороны. Надо было видеть, какими слезами они умывались только что у меня в кабинете, умолая... Но товарищ, товарищ, так нельзя, прилюдно... – Снова оттаскивали несдержанного отца, под шумок подкравшегося к горлу сынишки. (Позже оказалось, что это был театральный прием давно пьющего на пару семейного тандема для безотказного втирания очков дирекции).

– Итак, только ихние бурные слезы умоления заставили меня пересмотреть свою жестокую категоричность и оставить их в стенах училища с испытательным сроком...

– Враки, так вы и отдали документы, два года прошу не допрошусь.

– Это кто у нас здесь такой говорливый, аки счетверенная швейная машинка? – угрожающе ссутулился директор.

– Да я тут у вас.

– Головин, кому еще быть, – отвечивал мастер блекло.

– После линейки в мой кабинет! он мне надоел! я ему выдам диплом спеца по ловле блох у собак. Ситуация в корне меняется, нам вручили наконец-то кнут к мешку пряников, мы начнем закручивать гайки, будем карать со всей немыслимой жестокостью наглецов и пьяниц...

– Да прошлогод ведь еще давали...

– Да заткнешься ты или нет наконец! – взвизгнул мастер.

– Три по семьсот – два с лишним литра тяжело вздохнул у плеча Виктора мастер Сургучев Родион Касьяныч. – Добро-то какое изводят почему зря...

– О курении! – воздел очки директор. – Курцов, застигнутых на месте преступления, я буду заставлять набирать ведро окурков по всей территории поселка, часть из них он будет жевать, здесь же на линейке, остальное похоронит в яме емкостью два куба, им же вырытой...

Выходили пять первокурсников и торжественно рвали в ведро с «Дарами осени» нераспечатанные пачки «Примы». Сургучев шопотом матюкался. Затем Анна Михаловна, частя и сбиваясь, зачитала приказ облуправления о поощрении геройского поступка ученика другого училища, спасшего тонущего ребенка. Ребяшня запозевала, запереминалась, зароптала потихоньку на затянувшуюся линейку. И впрямь, глянул Виктор на часы, уже прихвачено десять минут учебного времени. Подошел к группке преподавателей, стоящих в отдалении.

– Ну какое моральное удовлетворение может быть от такого усеченного урока, – фальшиво сетовал чертежник Федор Моисеевич, – расстройство на весь день – любимые личики меньше чем положено, видеть буду...

– Приходи ко мне, посиди, когда «окошко» будет, для компенсации, – посоветовал электротехник, – я с Лыковым

договорюсь.

– Обязательно, непременно, да еще после работы на пару часиков останусь, с троечниками позанимаюсь.

– Разогнался он на халяву-то, не обломится, маэстро циркуля и транспорта, у них у всех нынче вечерка...

– Не-ет, но какой все-таки тончайший педагогический ход, – презрительно усмехалась историчка Шорина, смотрелась она мрачным, нахохленным коршуном, так далеко подавалась вперед на костыли, она – калека, из двух ног после автокатастрофы сохранила от силы три четверти одной. – Какой резкий поворот к трезвости, повальному отказу от курева. Бедный наш магазинчик и его талантливая глава Бутыль Сельповна, ведь они и не подозревают о неизбежной затоваренности склада неходовой продукцией. – Красивое лицо ее морщилось, не понять, то ли от боли, то ли от брезгливости к минувшему мероприятию, скорее, от боли, разнообразных болячек у нее было предостаточно.

– Не скажи, Васильевна, – возразила Клуша, недослышавшая и наблюдавшая за выражением лица говорящей, – отворотить от зелья людей не так-то просто, – она потянула нить с клубка, упрятанного в сумку, и продолжила спорое вязание. – Пить обучают годами, сызмала, да, почитай, все во круг, а отучить ловчатся за день да в одиночку...

– Итак, все вопросы вычерпаны, – директор сурово оглядел строй. – А теперь по занятиям...

Учащиеся загомонили, затолкались и затопали так, что

немногие служащие у себя в кабинетах вздрогнули и попридержали кое-какие предметы, самостоятельно двинувшиеся на края столов.

– Давайте-ка, Анна Михаловна, помогу вам, – перехватил из ее рук ведро Сургучев, – выплесну на помойку это дерьмо зловредное для ребяток наших.

– Вот спасибо, – закивала та благодарно, – экий рыцарь, и уж заодно, Родион Касьяныч, занесите, пожалуйста, ведерочко завхозу.

– Лады. Нет, но чего творят сволочи, – удрученно заглядывал в ведро Сургучев, – чего творят, а, Михаловна? Ладно еще ни одного моего, враз бы башку отвернул, ну не паразиты ли!..

– Ух, и мерзость!. – проходящий мимо электротехник неожиданно наклонился и высморкался в ведро, сплюнул.

– Ты чего-о?! – опешил Сургучев. – Ты чего, ку-курва делаешь? – он даже начал было замахиваться, но опомнился и закивал, мерзость, мол, мерзость.

– У тебя чего, Витя, урока нет? – взял Истомина под руку физрук. – Тогда пошли ко мне, перекурим, тачки смажем...

Физрук, Соссий Мефодьевич Хрюкин, худонег, но плечист, на лицо крайне худ, глубоко посаженные маленькие глазки лишены всегдашнего характеризующего блеска, что мешает собеседнику определить общее выражение лица сообразно его словам. С такими глазами удобно хитрить.

Хрюкин стесняется улыбаться, в моменты, когда это делать все же необходимо, он приказывает соответствующим мышцам противоборствовать растягиванию рта к ушам, как банально делается всеми, отчего и без того острое личико его еще более заостряется и даже уменьшается.

– Вот посуди сам, Витя, – жмурился он от сигареты, ловко снуя руками над очередной сетью, – посуди, что имею я, человек с высшим образованием. Сто сорок оклад, рублей сорок за педнагрузку и обязанность безвылазно торчать весь день в этих стенах. А ведь у меня двое детей, жена с большими потребностями, у которой окладик, кстати, чуть больше сотни. Такой вот доход, едва хватает на жратву, квартплату и кое-какие тряпки, чтобы не совсем светить задом, – он отклеил от губ сигарету и стряхнул пепел в консервную банку. В кабинете пахло грибной сыростью стен, кислыми ногами и заплеванными окурками. Виктор потер виски, от столь давнего спертого духа никотина у него, некурящего, появилась боль в голове, но зарешеченное окно форточки не имело.

– Мне, Витя, стыдно так жить перед отцом, мужиком, не имеющим за плечами даже примитивной восьмилетки. Он – помощник машиниста маневрового тепловоза, при заводе работает, три с лишним сотни имеет всегда, сутки пашет, трое дома. У него большое хозяйство, он к тому же скорняк и сапожник, шапки, полушубки, унты только отскакивают.

– А где он шкуры-то достает? – спросил Виктор.

– Вертится папаша, – Соссий снисходительно поострел лицом, что означило улыбку, вмял окурок в банку и сронил туда длинную слюну. – Собак, кошек пользуется, а больше по деревушкам ездит, машина у него давно имеется, скупает шкуры сырые, почти задарма отдают люди. У него на книжке, Витя, тысяч тридцать. Ну а как мне жить прикажете? У меня нет таких возможностей, а жить охота не хуже других, то есть тоже необходимо вертеться. Я вот встал в очередь на «жигуленка», года через два должны дать. К тому времени у меня как раз страховка на тыщу кончится, тыщи две к тому времени набираю, мотоцикл загоню за тыщонку и у папаши займы просить буду, с отдачей через года два-три, обещал ссудить старикан. А что такое три года, а Витя? За это время с половинку может забудется, сын как-никак, а может, дай ему бог здоровья, и загнется папанька, по-всякому может выйти.

– Прибедняешься, – сказал Истомин, – за-адам светить, – поддразнил он давешние слова Соссия, – а сам, собак, пару тыщ уже успел нахватать.

– Надо уметь делать деньги, Витя, – поострел лицом Хрюкин и закурил новую сигарету. – Разорались чего-то хлопчики, – прислушался он и стремительно вышел. – Так что я говорю, – продолжил он вязание уже через минуту, – делать их, денежки, сноровка требуется и чутье, денежки они, Витя, кругом, только присмотреться надобно. Я вот шестой «телевизор» за этот месяц пластаю, – Соссий с заметным даже

на его лице удовлетворением просмотрел на свет ячейки будущей рамки, – спрос у бурсаков ого-го! каждый не меньше червонца идет. Вот сейчас, заметь, бросил пузырь пацанам, а сам, между делом, гоню продукцию. Кто мне эти шестьдесят рубликов даст, если я брошу вязать, тут делов-то, кстати, дня на три...

– Соссий Мефодьевич, – просунулась в щель приоткрытой двери голова мальчишки,

– можно, я того... на воздух прошвырнуть?

– Такса, – не поднимая головы буркнул физрук, – и завейся хоть в космос, только я тебя, стервеца, сегодня вообще не видел.

– У меня двадцарик, сдача есть?

– Найдем, – Хрюкин отложил сетку, аккуратно уложил сигарету на край стола и полез в нижний ящик стоящего рядом шкафа, – найдем такие суммы, – придушенно говорил он при этом от неудобной позы. Парнишка, настороженно косясь на военрука, подошел, положил монету на стол и торопливо дважды затянулся хрюкинской сигаретой.

– Ты чего?! – опешил Виктор. – Ты чего наглеешь, скотиняка?

– А-аа, пускай, – беспечно махнул рукой вынырнувший физрук, – рыбак, друг. На, держи свой пятак и проваливай. – Ученик ушел. – Во, – повертел в пальцах монету Соссий, – пачка «Примы» с коробком спичек есть.

– Так что, за уход с урока ты берешь пятнадцать копеек? –

не тая брезгливости, удивился Виктор.

– Ага, – Соссий снова погрузился в работу, – по пятнадцать, в день до трояка настукиваю, можно бы и больше, да я не борзею. У них, у хлопчиков-то денег много. Вчера двое с бутылочкой подошли за все мое хорошее, на пятом уроке. Как водится у нашего брата, мало показалось – побежали еще. Опять мало. К автобусу совсем захорошело, хотели еще, но сельпу прикрыли.

– И ты с ними сбрасывался?!

– Чего я, дурной лошади свояк? ни копыя!

– Ну, ты и даешь! Смотри, подзалетишь ведь, Соссий. Кстати, что это у тебя за имячко, все хочу спросить, сроду до этого не слыхивал?

– Да матушкина сестра подсказала, дура, самая грамотная в те времена у нас в родне считалась – учительница, вот и научила, послушались, сказала, что означает «здоровый», а какая мать не хочет видеть своего ребенка здоровым.

– Н-да, – досталось же дочкам отчество, прямо оскорбление какое-то – «сосиевны», «соски».

– Не говори, – согласился Хрюкин, но по его беспечному виду никак не заключишь о каком-то всвязи с этим переживании. – Где сейчас, Витя, можно не подзалететь, да везде бойся, – вернулся он к прежнему разговору.

– Сижу вот, вяжу и побаиваюсь, а ну директор выломится или кто со стороны. Своих-то я больше никого не боюсь, с Лебедевым мы регулярно бухаем, Анка, вообще, не в счет,

остальные же мне до лампочки, так что все пока тихо-мирно.

– Вот у тебя, Витя, как на семейном фронте, все нормально?.. Ну и дай бог. А у меня, как на фронте, противостояние, крыса моя не варит мне вообще и, больше того, спать поврозь стали, не подпускает, бойкот.

– Может, другого завела?

– Вряд ли, с её-то мордой овечьей. В другом причина, по ее наущению, старшая дочка, второклассница, ведет специальный дневник, где по датам расписано мое состояние. Предположим – двадцатое, папка пришел сильно выпивши, тогда-то – немножечко, а тогда дяди под руки привели, ну и все в таком роде. В прошлом месяце кажет супруга мне эту статистику, получается, что из тридцати дней совершенно трезвый я был три дня. Они, крысы, оказывается, к опьянению причисляют даже то, что я пива пару бокальчиков пропущу, запах есть и все – пьяный, строже чем в ГАИ.

– Интересно, – ухмыльнулся Истомин, – три дня, не густо, самому-то не надоедает?

– Да нет, чего тут такого, дело житейское, я же зарплату всю приношу, до копейки отчитываюсь. Мне выпивка, Витя, деньги делать не мешает. Этот раз получил со склада тридцать пар кед, десять пар кроссовок, мячи, боксерские перчатки и все отволок в магазин – на полторы сотни потянуло, ну кто бы их мне дал, если бы я не крутнулся вовремя...

– Как в магазин? – не понял Виктор. – Кто их там примет, их же пацанам дали носить?

– О-оо! Вихто-ор! да я вижу, ты в этих делах свежее хека из холодильника, – восхитился Хрюкин и разъяснил снисходительно, – в магазине есть люди, входящие в долю, а бурсаки, те и в старье перебьются, им и того много. Обувь только в магазине новая, раз пробежались по грязи, стала старая. Ну а по количеству у меня всегда ажур, старья, Витя, я напас по горло, ни одна ревизия никогда не пришкрябается...

Зачем он мне все это рассказывает, спрашивал себя мысленно который раз Виктор, проверяет, что ли, могу ли заложить или чуток тронутый.

– ...Или вот на зону недавно футболистов возил – тоже денежки, Витя. Соревнования четыре дня, турнир по олимпийской системе, мы, соответственно, вылетаем в первый же день. Хлопчики так те только ведь и думают, как бы лыжи домой поскорее наострить. Я их и отпустил, при условии, что про суточные они забудут, что нужно, мол, для магарыча судьям, чтобы вылет на последний, четвертый день оформили. Хлопчики аж заблеяли от радости, нужны им эти суточные. Мне же бумажки оформить нужным числом, раз плюнуть, друзей хватает. А хлопчиков, Витя, четырнадцать рыл, на каждого рубль тридцать пять в день, умножаем на четыре, получается пять с лишним, умножаем на четырнадцать – больше семидесяти рубликов, минус рублей двадцать, что я отдал им за за день, а-аа, чуешь, чистыми тянет за пятьдесят. Да еще, Витя, есть навар с проезда, в Красногоровку билет в одну сторону двадцать копеек, взад-вперед за четыре дня

набегают больше двадцати рубликов, а они, хлопчики, народ боевой, они и в первый день-то почти все бесплатно проехали, по проездным, хоть и не их маршрут там у большинства прописан, да еще билетов мне насобирали кучу для отчета.

– Вот так и кручусь, Витя, и на выпивку хватает, и на машину прикладываю постоянно. Кто бы мне дал эти рублики, если бы я носа по ветру не держал, ты бы дал? Нет. И я тебе так просто не дал бы никогда, займы, под хороший процент, это всегда пожалуйста... А рыбешка как идет, Витя, у дверей гаража ждут постоянные клиенты, с руками обрывают, по два с полтиной идет кило...

Виктор, уже совсем не таясь, болезненно морщился на все эти арифметические выкладки, дым и примеривался, как бы поестественнее расстаться со словоохотливым физруком.

– Учись жить, Витя, ты я вижу еще зеленый-презеленый в этих делах, учись. Вот скоро группу, человек тридцать тоже на зону повезешь, на два дня, можешь навар иметь очень дажиньки неплохой. Я тебе обскажу, как все обтяпать...

– А жена не признает, тоже не проблема, – он хищно с выщелками потянулся, – я, Витя, не выходя из этих стен, подкормлюсь, этого добра везде хватает. Ты Люду Сапугличеву не знал? С пятнадцатой группы... а-аа, ты ее не застал, – он снова потянулся и сладострастно прижмурился. – Пришла лярва ко мне с обходным, до этого пропадала куда-то месяца на два, подмахни, говорит, Мефодыч, не глядя, бумажку тленную-зряшную, покидаю я вас, мол, навсегда.

– Сей момент, радость моя, ответственую, для тебя хоть на амбразуру грудью, вот только на секундочку в тетрадку долговую гляну. Хоп, должок: штаны-трико, майка, кеды, два волана и теннисный шарик. Где вещши, спрашиваю, ненагляда? Она тык-мык, в оступление вроде как впала, памятью, мол, послабла. Все ясно – нет вещшей и не предвидится, все они, давнехонько у меня на складе, скорее всего. Они ведь, детишки-то, такая безалаберная публика, взяли и тут же все побросали где ни попадя, ну а я хожу собираю. Потом, бац, счетик или через контору плати или мне наличкой, раза в два меньше. Вот и говорю я тогда синьорине Сапугличевой, гони, голуба, четвертак, скостил, мол, еще в три раза по причине твоих чар. У нее шары из орбит полезли, да откуда у этой оторвы такие деньги. Распластали мы с ней в три слоя маты...

Тут зашел Сургучев. В руке сетка, в сетке трехлитровка, обернутая в газету. Развалился на стуле по-свойски. Если у Соссия заостренность черт подвижного личика напоминало что-то лисье, то у Сургучева, отвисающие толстые щеки, маленькие блестящие глазки и очень ограниченная подвижность лицевых мускулов, тут сходство напрашивалось с барсуком или даже с упитанным, сытым и полусонным хряком. Во-во, заключил Виктор, хряк, словом, глуповатое лицо, самодовольное, замерзшее одной невыразительной маской.

– Ну как, порядок? – подмигнул Соссий.

– У меня по другому не бывает, – отпыхивался Родион,

отирая взмокший лоб.

– Просвещаю вот новичка, учу уму-разуму. Да свой человек, не стесняйся.

Сургучев освободил от газеты и поставил в шкаф банку, два с лишним литра отфильтрованных от стекла и табака «Даров осени».

– Стаканчик вотрешь, Витя, для поднятия тонуса? – Соссий дунул в мензурку, посмотрел на свет и заключил, что замутненность стенок терпимая. – Граммук сто восемьдесят пять накапайте офицеру, Родион Касьяныч, пожалуйста, – передал он посуду.

– Нет-нет, у меня же сейчас урок! – напугался Виктор.

– У всех урок, – резонно заметил Сургучев и выпил, не дрогнув ни единой жилочкой.

– У всех... – покивал Соссий, сдавленно кхекая и морщась. Закусили по-братски разломленным плавленым сыром, закурили. Физрук продолжил вязание рамки.

– Учить тебя еще да учить, Витя, – вздохнул он, – впитывай опыт, пока задарма предлагают, да, Родион? Другой бы рад даже был заплатить, купить такую ценную информацию для облегчения жизни, да никто не советует, не диктует драгоценную подсказку.

– Пузырь с аванса пусть ставит, – велел Родион.

– Вот у него ведь тоже группа в мастерских, на производственном обучении, – Соссий ласково поострел личиком при

взгляде на Родиона. – Думаешь, Витя, шум-тарарам раз без надзору? Как бы не так – тишина могильная, порядок, как на подводной лодке в нейтральных водах.

– Вот они у меня где, – поднял для обозрения кулачище Сургучев.

– У него там два таких барбоса в помощниках, не приведи боже, по шнуручку ходят хлопчики, в ладошку кашляют потаенно, иначе нельзя, иначе враз уши поотлетают – Понча со Шлачком дело знают туго. Суворовская дисциплина! пропусков меньше всех! неуспевающих тоже!..

Сургучев гордо кивал и приосанивался, насколько позволяла поза сидящего. Они «втерли» еще по сто пятьдесят.

– Пропуски есть, конечно, совсем без них нельзя, да, Родион Касьяныч? и хлопчики ведь тоже люди, зачем все три десятка гнать на занятия, хватит и двух. Нет, ты молодец, уважаю таких, чту, – Соссий признательно пожал сургучевскую лапу. – Учись, Витя, жить! У его хлопчиков, между прочим, как у белых людей, рабочая четырехдневка, не пяти, Витя, четырех! Но, конечно же, все это требует определенных затрат, хлопчики это прекрасно понимают, не подмажешь – не поедешь, мастеру тоже надобно выкручиваться, тому же Лебедеву магарыч организовать, старшему мастеру, преподавателей кой-каких ублажить, да мало ли чего, ведь сама группа безо всего этого в ряд лучших никогда бы не встала. И потому, будь добр, за день отлучки расквитайся, сдай ассигнацию определенного достоинства в фонд масте-

ра. Нет, ты – молодец, чту!..

На неподвижное лицо Сургучева набежала тень, слегка напоминающая застенчивость.

– А какие у него хлопчики! да на все руки мастера! Как мне в чем нужда – картоху там прополоть-выкопать, погребок отрыть в гараже – я к Родиону Касьянычу с поклоном, только к нему, уважь, мол, голубчик... и никогда, слышишь, Витя, ни-ког-да, отказу не получил...

Сургучев совершенно распарился и едва успевал отирать красное лицо, у Соссия явно упала скорость вязания.

– Есть, конечно, недоброжелатели среди хлопчиков, этот раз так подослали анонимку из букв нарезанных – предупреждение, чтобы не борзел, а внизу грибочки, намек какой-то, ухо надо держать остро... И тебе, Касьяныч?! Во, движение сопротивления... Вот черт, а курить-то больше нечего. Не сходишь, Родион? да парочку сырков еще возьми на закуску, – Соссий стал отсчитывать на стол монеты.

– Я пошел, – встал Виктор, – звонок скоро.

В вестибюле, для подстраховки, еще раз сверился с расписанием.

– Ты же, вроде, не куришь, Витенька? – принялась к нему Клуша.

– Да у Хрюкина в кабинете провонялся, – поморщился он. Клуша всмотрелась в прошедшего румяного Сургучева и проворчала что-то невнятно. Виктор еще раз поморщился, не мог избавиться от гадливого осадка. Он и сам сторонник

приработка при первой возможности, но приработка, от слова «работа», не жульничества, дуракаваляния.

А-аа! мысленно чертыхнулся он, провались они эти сосии-родионы, тут своих забот полон рот, ералаш в голове. Как раз вот урок с группой, к которой его прикрепили в роли классного руководителя, помощника мастера, группа-то как раз та, где он тогда так позорно сорвался. А жандармскую тактику он забраковал вчистую, стал помаленьку возвращать свою, подгонял под характер и склонности, нутром чуял, что на верном пути, что работать будет куда легче и интереснее.

– Взво-оод! станови-ись!.. – Виктор обошел двухшеренжный строй, придирчиво осматривая каждого ученика. – Застегнуться... Поправь парик... Ну и подравнялся, а носки торчат, будто у тебя башмаки семидесятого размера...

– Носки сквозь ботинки, если они целые, торчать не могут.

– Г-мм, резонно...

На правом фланге, как всегда, скопилось человек шесть опоздавших. Подходил еще один, мальчик худенький, роста малого, приятный на личико, с едва приметной косинкой в черных глазенках, ну типичный пятиклассник, не более того. Шагов за пять до Виктора он посерьезнел, остекленел глазами и, прижав к бедрам руки, стал четко и звучно печатать строевой шаг.

– Товарищ военрук, разрешите встать в строй! – он лихо

козырнул и сильно прогнулся, что означило якобы молодецкую грудь. Вот так-то, мол, подмигнул он строю, знай наших, трусы вам мои по колено.

– К пустой голове руку не прикладывают, – Виктор чуть поморщился на себя за казарменную остроту и улыбнулся мальчишке, – молодец Смыков, становись в строй. Ку-уда? Сзади, сзади обходить надо!

– Так точно! Запомнил трюшечки. Как стоишь, болван?! – неожиданно скакнул он к длинному конопатому, как полевое яичко, парню и ухватил его за грудки. – Чему тебя учили, собака!? Чего руки в карманах, чего опаздываешь?! У-уу! нервов на вас не хватает! – широко замахнулся и обернулся к военруку. – Врезать разочек или до перемены удовольствие отложить?.. – Рыжий моргал ошеломленно, явно не в силах удумать нужную реакцию.

– Отставить, – давился смехом Виктор, – пусть живет.

– Хай живэ, – кивнул Смыков и сожалением оттолкнул, точнее, оттолкнулся от рыжего.

– Как стои-иыте, болваны?! Мало я вас рэ-эзал...

Пашка Минаев за метр до него вытянулся в струнку и крикнул тонким срывающимся голосом:

– Сми-иирна! Рравнение на середину!

– Вот так, это по мне, – Смыков помахал рукой благосклонно якобы восторженной, преклоняющейся перед ним толпе, разрешил «вольно» и занял свое законное место левофлангового.

– Ну, а если серьезно, без балагана, – гасил улыбку Виктор, – что это за причина ваших систематических опозданий?

– Т-так р-разве успеешь за п-пять минут, – оправдывался заика-рыжий, – и п-покурить надо, и в туалет снасаться, клапан-то н-не держит подолгу.

– Курить надобно бросать, жидкого поменьше употреблять, – посоветовал Виктор, – и всегда помнить, что перемена короче воробьиного носа.

– Нам бросать помогают, – подал голос Смыков, – мастаки сегодня опять карманы трясли, им теперь курица неделю не брать.

Виктор поморщился брезгливо, он тоже недавно, поддавшись общему всплеску борьбы с курением, приказал вывернуть карманы у троицы опоздавших парнишек-первогодков. Те стали покорно выгружать сигареты, и в эти секунды он себя возненавидел, ощутил гадливость, словно от совершенной им пакости, подлости, да так оно по сути и было – подлость, самая настоящая подлость, пользуясь положением, выворачивать карманы, заслоняясь при этом щитом якобы благородной цели.

Весь урок он тогда мучался, а на перемене подозвал ребят и вернул им курицу. Смолите сколько влезет, сказал он, пряча глаза, смолите, если вам так приятно, хоть по три штуки зараз в зубы вставляйте, только не в стенах училища, не совсем уж в открытую.

– Сегодня, – заходил перед строем Виктор, – идем в тир...
– Урааа! – перехлестнуло его слова восторгом.
– Чтобы почистить помещение от грязи и пыли.
– У-уу!
– Шучу. Значит так, ребятки, сегодня мы с вами должны выполнить контрольное упражнение из малокалиберной винтовки. Цель – мишень номер шесть, расстояние – двадцать пять метров, три патрона...

– Ма-ало.
– Стреляем лежа, с упора...
– Я в прыжке, из-под ноги.
– Прицел открытый...
– Ранение закрытое.
– Ну, хватит, хватит болтать, а то ведь можно и строевым шагом весь урок до тира идти через Хаврошки, но так и не дойти.

На остряка зашикали, ближние сыпанули многокулачную дробь на спину.

– Оценка, из тридцати возможных двадцать пять – пятерка, двадцать одно...
– Очко! добавка десять патронов!
– ...Четверка, восемнадцать очков – тройка, ну, а меньше, сами понимаете – банан, совсем-совсем невкусная фрукта.
– А стрелковая секция будет?
– Обязательно, уже со следующей недели. Буду помаленьку, по итогам стрельб на уроках, подбирать сборную коман-

ду училища, впереди два, даже три областных соревнования, но, правда, не чисто стрелковые, по многоборью, нужно еще далеко метать гранату, бегать быстрее лани, подтягиваться разков двадцать-тридцать...

– Ни ху-хуу!

– Тренируйтесь, стрельбы сборникам обещаю вволю.

– Товарищ военрук, разрешите обратиться, – шагнул из строя Смыков. – А будет поощрение, если мишень, вообще, окажется не затронута, экономия ведь такой дефицитной бумаги. Хошь с пару патрончиков.

– Для экономии мишеней будем ставить к стенке болтунов.

– По-хозяйски, – похвалил Смыков, – в глаз – пятерка, в нос – четверка, в пузо – тройка, – жалостно посмотрел на рыжего заику, словно уже прощаясь с верным товарищем.

– Т-ты с-себя пожалей, – не выдержал тот.

– Я на мишень не пойду, очень уж маленький.

– Пойдешь, – заверил Виктор, – для самых метких стрелков из сборной.

– Радые-то, радые какие, – улыбалась Клуша, глядя на шествующую мимо группу.

В тире пошла несколько однообразная работа – выдача патронов, отслежка правильности рапортов и обращения с оружием, безопасности на огневом рубеже, подсчетом и фиксацией

рованием в журнале результатов. Виктор уже чуть приспособился и привлекал к помощи двух-трех парнишек, чей авторитет в группе не заметить было нельзя. Нынче таковыми сонадзирателями стали Антон Таранов, Слава Баркалеш и Пашка Минаев.

За стеной, в учебном классе, взвыли дурными голосами, загрохотали сдвигаемые столы и стулья. Выдернув затворы из винтовок, Виктор метнулся туда и застал схватку двух группировок.

– Отставить погром! – гаркнул он как можно внушительнее. Сидеть в этом стылом помещении без движения, конечно же, было невозможно. Пацаны нехотя разжимали объятия, выпуская почти уже поверженных соперников, смущенно отряхивались. – Так-так... Бангладеш, Славик, будь ласка, неси-ка «пеницилин», необходима прививка... – На искажение фамилии помощник-увалень ничуть не обижался. Тут же занес «пеницилин» – длинный, гибкий шомпол от малокалиберки.

– М-ммм... – исторгся единый звук, означивший отсутствие восхищения.

– А может, лучше обсудим происшедшее со всей человечностью, – предложил Смыков.

– Ну-ну, человеческое обсуждение бесчеловечных, звериных повадок. Н-даа, принаглели вы, ребята, и прекапитально. Мебель рушите, стрельбу из автоматов открыли в помещении, – Виктор поднял с пола макет, деревяшку, пароди-

рующее знаменитое оружие.

– Точно, – поддакнул Смыков и звучно потянул носом, – порохом-то как прет.

Чувствовался слабенький запах курева. В форточку смолит сволоты, догадался Виктор.

– А знаете ли вы, что даже такая штука, – потряс он у носа Смыкова деревяшкой, – даже такая, раз в год стреляет, как и вилы, особенно если целиться в человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.